

В.М. Викторин, Э.Ш. Идрисов

**КОЧЕВНИКИ И ПОЛУКОЧЕВНИКИ
НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В СОСТАВЕ РОССИИ:
СОЦИАЛЬНО-ХОЗЯЙСТВЕННАЯ
И ПОЛИТИКО-ПОТЕСТАРНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ
В XVIII — НАЧАЛЕ XX в.**

Нижнее Поволжье — специфическое географическое и этнокультурное пространство со своеобразным и разнообразным населением. Неслучайно в древности этот край был затронут событиями Великого переселения народов, «перекроившими» этническую картину всего Старого Света. И в дальнейшем эти просторы были крайне многолики в своей этнической специфике и соединили несколько историко-этнографических областей от предгорий Кавказа до центра Азии, население которых обладало признаками различных хозяйственно-культурных типов, включая в качестве важного компонента кочевнический способ производства.

Очевидно также, что в социально-экономическом развитии степных пространств государственный фактор оказывал свое влияние на традиционно-специфические сообщества, взаимодействуя со свойственной для последних особой потестарностью.

Наиболее адекватное регулятивное и нормативное обеспечение феномена потестарности — так называемое обычное право. Но у этносов кочевых скотоводов его проявления сложнее и многограннее ввиду практически изначальной «товарной юридикации» и обычно пройденной «кочевой государственной» стадии.

Можно, думается, вести речь о важных общих потестарных и обычно-правовых тенденциях и закономерностях в социально-хозяйственном укладе кочевничества, хотя кочевники в разных частях планеты, конечно, обладают большим разнообразием (подробнее см.: [Бреус 2003: 21–52]).

В отечественной науке ранние формы властвования все больше связываются с традиционно-хозяйственной спецификой конкретных групп населения. И неслучайно все большее внимание уделяется именно региональному аспекту как наиболее показательному по фактическим материалам.

Предшествовавшее наследие повлияло на самые небольшие общины известных нам прежних кочевников территорий России и ее юга. Но весьма развитая форма общественной жизни соседствовала с ранней, устной, близкой к фольклорности передачей принципов и правил, традиционно выступающей в формах обыкновения или обычая. Таковое выступало как естественно существующее или признанное общеобязательным, но не имеющее ясной и точной (а в предгосударственный период — даже письменной) кодификации. Ю р и д и з и р о в а л о с ь оно много позже, нежели считается, на развитых социально-экономических ступенях контактов общин и начатков товарного обращения между ними.

Как развитие этого продуктивного тезиса можно предложить соединенный термин «обычное потестарное право». Уточним, однако, что «обычное потестарное право» кочевников является весьма развитым, поскольку оформляло торговлю и денежные отношения, как и наследие прежних (нескольких!) государственных образований. Соответственно они вовлекались в орбиту «политики» (функцию, поначалу, городской жизни). Могли осуществлять номады и «свою, собственную» политику. Но с распадом созданных ими (всегда непрочных) государственных образований, становились объектами политической воли крупных держав и непреложных мировых закономерностей.

На протяжении ряда лет оба соавтора этой статьи (действуя отдельно или совместно) затрагивали данную проблематику в своих исследованиях [Викторин 1985: 15; Идрисов 2005а: 25]. На основе доступного материала мы стремились показать ход процессов хозяйственной и социокультурной эволюции на примерах Нижнего Поволжья как заведомо «приграничной» (во многих смыслах этого понятия) территории, так или иначе отражаемой и в потестарных, и в обычно-правовых понятиях.

Также были использованы архивные документы (прежде всего из Государственного архива Астраханской обл. (далее в тексте и ссылках — ГААО), в меньшей мере — из Государственного архива современной документации Астраханской обл. (далее — ГАСДАО), а также из сектора фонда редкой книги Астраханского ГОИА музея-заповедника. Широко привлечены в статье и многолетние экспедиционные поле-

вые сборы В.М. Викторина и Э.Ш. Идрисова, осуществленные в Астраханской области и на соседних территориях.

Разные виды источников отражают различные, но пересекающиеся стороны рассматриваемых процессов. Так, если собранная документация добавила, к примеру, новый и необычный материал о прошлых временах, то общение в экспедиционных поездках позволило проследить отражение прежних традиций в нынешней жизни кочевников и полукочевников, частичное (в устах представителей самого старшего поколения) отражение реальной первичной традиции, а главное — оценку «жизни прежней» нашими современниками — потомками кочевых сообществ.

В составе демографической структуры дореволюционного Астраханского края (губернии) большие общности кочевников и полукочевников были представлены большеордынскими ногайцами-юртовцами (с ветвью еди/джетисанцев), калмыками, позже, с конца XVIII в., ногайцами-карагашами и туркменами, кундровцами (переходными от джетисанцев к карагашам) и смешанной группой на ногайской основе — «утарами-алабугатцами» на калмыцкой границе, а с начала XIX в. — еще и казахами Букеевской Орды. И наиболее значительное количество кочующих, причем из разных этносов и «переходных» групп, было отмечено на территории Внутренней Букеевской (казахской) Орды и Калмыцкой степи.

Итак, можно зафиксировать следующий этнический состав нового населения, который складывался с середины XVI по самое начало XIX вв.: кочевники (калмыки, казахи и, возможно, маленькая подгруппа — «каралатские» карагаши на взморье Прикаспия), полукочевники (ногайцы-карагаши, туркмены), сохранявшие прежние традиции в оседлой жизни (ногайские татары-юртовцы). В преддверии XX в., по данным Всероссийской переписи 1897 г., процентное соотношение суммарной численности полукочевых и кочевых народов в отношении оседлого населения в составе Астраханской губернии определялось сопоставимо значимыми величинами, примерно 40 на 60 % [Первая Всеобщая перепись 1904: 7].

В комплексе рассматриваемой в статье проблематики могут быть выделены следующие плоскости:

— внутренние взаимоотношения в этнических сообществах кочевников (и полукочевников);

— контакты между этносами кочевников, согласно известному принципу «мы — они»;

— подчинение кочевавших и полуседлых этносов и их групп официальным центральным и губернским властям России;

— степень развития и формы внутренней эволюции кочевников в полукочевники и оседлые земледельцы, а также их адапция в нижеволжское межэтническое сообщество.

Отметим сразу, что особые этнокультурные сообщества (кочевники, полукочевники, горские народы и т.п.) всегда обладали значительной независимостью, стремлением сохранить собственный уклад жизни. Специфика природных условий также определяла сохранение этого образа существования.

Но о с о б е н н о с т и менталитета н о м а д о в и их представлений о политических отношениях, восприятие и оценка таковых сталкивались с представлениями о власти и политике, сформированными в условиях земледельческой цивилизации. И поэтому они с трудом регулировались официальными властями тех государственных образований и их регионов (провинций), в которые были включены в административно-политическом отношении.

Итак, обращаясь непосредственно кномадам и полуномадам юга России, зафиксируем, что обычное право кочевников — явление очень многосоставное. От древнетюркского с проявлением ордынско-ханской «Ясы» Чингизидов, притом с важной и яркой этнической спецификой в каждом отдельном случае, влиянием нормативной культуры воспринимаемых кочевниками религиозных систем. А под конец — влияние официального закона Российской империи.

Существенно, что свои устно-письменные правовые кодексы в рассматриваемое время получили, проводя традицию от «Великой Ясы (Ясака)» Чингис-хана: калмыки («Их(и) цааз, цааж, цаажин бичиг» — общеойратское «Великое степное уложение» в 1640 г., затем дополненные, уже в Астраханской губ., законами хана Дондук-Даши в 1750 г. и еще «Зензелинскими протоколами» от 1822 г.) и казахи — «Законы хана Тауке — “Жеты Жаргы”»¹, названные так, поскольку были оформлены в правление Таваккул-Мохаммеда Батыр-хана (в быту сокращенно — Тауке), 1680–1718 гг.).

У отдельных групп ногайцев, в частности у крымско-кубанской, были попытки кодификации адатов (так называемое «Торе», возводимое к традициям Чингис-хана)². Но их сменили практически полностью согласительные процедуры — *маслагаты* (астраханско-тюркское междиалектное произнесение *маслихат*).

О какой-либо систематизации обычно-правовой системы у туркмен (во всяком случае их мангышлако-северокаспийской группы) данных не имеется. Впрочем, своих письменных кодексов (помимо калмыцких правоуточнений — «Зензелинских протоколов») номадный мир Нижнего Поволжья, насколько нам известно, не знал.

Исходя из вышесказанного, отметим, что засушливые, аридные условия дельты Волги издревле способствовали разведению крупного и мелкого рогатого скота, но (вне надежного орошения) были препятствием для занятия бахчеводством и огородничеством. Нижняя Волга и окрестные территории — это, без сомнений, транзитный (во всех отношениях) ареал и сфера влияния многих непрочных государств на кочевой основе.

Поэтому Нижнее Поволжье исторически являлось зоной обитания кочевых народов (хотя и соседства их с рыболовами и земледельцами). Причем имеется множество кочевых общностей от Причерноморья до Кыргызстана и Синьцзяна, чьи предки пересекали Волгу в обоих направлениях (добровольно или вынужденно), задерживались на ее берегах, в пойме или дельте, даже просто знали об этой великой реке. Упоминали Волгу уважительно, как знаково-символический историко-географический рубеж, отражали в своем фольклоре (вплоть до кыргызского эпоса «Манас» и песен синьцзянских калмыков-ойратов).

Номады длительное время господствовали на этой территории, иногда это приводило к формированию собственных кочевнических государственных образований. Так, среди них широкую известность приобрели Хазарский каганат, Золотая Орда, Астраханское ханство и Ногайская Орда (Мангытский юрт). Затем добавились «полугосударственные», союзно-вассальные России Калмыцкое ханство и казахская Букеевская Орда, подведомственные властям Астраханского воеводства (губернии). В итоге в низовьях Волги при осу-

ществлении регулятивной деятельности сомкнулись и взаимодействовали сразу несколько моделей властных структур кочевого образца, некоторые из которых имели в прежней традиции «политичность кочевых империй».

Проявлением своеобразия рассматриваемого региона (поймы, дельты, взморья) служит пример отношений между этносами, тяготевшими к земледельческой культуре, и теми, кто был связан с особым кочевым способом производства. И те и другие внесли вклад в общую культуру Нижнего Поволжья, показали разные примеры этнокультурного и социального приспособления к природным условиям Прикаспийской зоны. Но определяющим фактором развития этих обществ было взаимодействие друг с другом на разных уровнях.

Нижнее Поволжье было присоединено к России в 1556 г., когда эта новая территория (и без того слабозаселенная) фактически обезлюдела. Переселявшиеся сюда под защиту Российского государства кочевые социумы еще долго численно превосходили оседлое население в несколько раз. Сначала это были приходившие с р. Яик (Джаик) большеордынские татары. Затем — юртовцы («ногайские/нугайские татары»), пример которых показателен естественной «наглядностью оседания», как, кстати, и влиянием на последующие проникавшие в Нижневолжский край кочевые сообщества, а также первой очевидной трансформацией их образа жизни.

Юртовские ногайские татары осели на земле без внешнего давления, естественным ходом событий — и отразили данный факт в своем историческом сознании. По словам старшины И. Мухаммедова, «первые поселенцы были *Юрт-Ногай*, из Азии пришедшее, каковые не имели оседлости и кочевали в кибитках... Первоначально жизнь *Юрт-Ногай* была кочевная, но после посещения Астрахани государем Петром I (в 1722 г. — В.В., Э.И.) татары разошлись в разные стороны, избрали себе особые места и поселились отдельными селениями, выстроив себе дома, и стали жить оседло...» (выделено нами. — В.В., Э.И.) ...» [ГААО. Ф. 32, Оп. 1. Ед. хр. 382. Л. 155 – 156].

Именно в конце XVIII в. (1769–1771) академик С.Г. Гмелин был свидетелем окончания оседания юртовцев. Он выделял среди шести поселений юртовцев аулы Кизань, Карга-

ли, Майлегуль, Бусдамгуль, Джамене (по 1 тыс. чел. в каждом) [1771: 172–173]. Затем (к 1801 г.) добавились еще 5 джети/едисанских и особо джем/эмекских (зависимо-подчиненных) поселений, их интеграция с основной массой юртовцев и адаптация в их состав ранее неполноправных «емеков/джемеков».

Итак, первые селения юртовцев в конце XVIII в. олицетворяли собой явно переходный вариант к новому типу хозяйства и в связи с этим смену традиции: «Все в сих деревнях находящиеся дома снаружи худы, деревянные, без кровель, построены беспорядочно, и как дворы, так и скотские хлевы обнесены камышом» [Гмелин 1771: 173].

Юртовцы по-прежнему жили в них только в зимнее время, а летом переходили в особые юрты, почти неразборные: «Сие кибитки совсем другого рода, нежели калмыцкая и гораздо калмыцких меньше, так что самая большая татарская кибитка с самую меньшую калмыцкую величины не будет, да и решетки, составляющая деревянная постройка, так плотно делается, что невозможно такую кибитку разобрать и опять составить» [Там же].

Определенную роль здесь играли внутренние факторы развития их общества. В силу расположения селений юртовских татар вокруг г. Астрахани они довольно рано были втянуты в социально-экономические процессы региона, происходила переориентация их хозяйственной деятельности со скотоводства на овощеводство и бахчеводство.

Таким образом, служилая (на должностях) элита юртовцев хорошо помнила о своем кочевом происхождении (почти через 80 лет полной оседлости), подчеркивала добровольность седентаризации и связь возникновения поселений с отказом от кочевания.

Пригородные юртовские нугай-татары, раньше всех осев на земле, заявляли о себе как о приверженцах урбанизированного типа аграрной культуры (поскольку торговали овощами на городских рынках), довольно быстро переняли одежду городского покроя. Они составили любопытный «переходный слой» между городскими жителями и оставшимися жить в кочевой степи и полупустынях.

Вскоре (через 10–20 лет) в развивавшиеся юртовские селения стали подселяться и издавна оседлые средневожско-

приокские, касимовские (в с. Ст. Кучергановка), а затем казанские татары, в том числе из приведенных Петром I на службу к Прикаспию, а через полвека — и татары-мишари. С конца XIX в. участились браки между юношами-юртовцами и девушками из среды переселенцев.

В начале XVII в. к низовьям Волги из Джунгарии через юго-западную Сибирь прикочевали калмыки с ханами и зайсан(г)ами, тайшами — все были потомками Чингис-хана, но по «косвенной», женской линии, что постоянно требовало подтверждения в ханском достоинстве от Далай-ламы из Тибета или же императора России.

В течение XVII в. большие группы тюрок (приведенных из центра Азии, юртовских и еди/джетисанских ногайцев, затем кубанских, казахов-то(г)мутов и мангышлакских туркмен) были подчинены калмыками. И даже освободившись в самом конце XVIII в., они оказывали почтение калмыцким князьям — потомкам Чингис-хана, хотя и по женской линии [Потоцкий 1936: 195–217].

После ухода калмыков в 1771 г. в китайскую Джунгарию, ногайцы северо-западного взморья Каспия, так называемые утары, или алабугатцы, во главе с чингизидом — «капитаном, муллою» Абдуллою Джангуршиным, из вероятных потомков астраханского хана Ямгурчи (Ямгурчя), признали в итоге власть России. Именно к ним (около 1850 г.) присоединились, восприняв полукочевничество после многих веков оседлости (!!! — В.В. и Э.И.) до 100 чел. купцов-узбеков (группы *сарт* и *бухарлык*) торгового двора из Астрахани.

После миграции кочевников на Волгу их родовые и социальные группы обычно продолжали существование на новых местах, но вскоре видоизменяли свои функции, затем сохраняли лишь свое название, наполняясь новым содержанием, особенно с развитием земледелия и оседлости. Так, постмонгольское сословие «тарханы» у ногайцев, очевидно, бытовало раньше, но к XIX в. этот термин употреблялся уже в ином смысле: для обозначения выборных ответственных исполнителей, с гарантией подчинения им.

Собственно же Ногайская Орда с конца XIV до середины XVII в. управлялась бием (беком — главным эмиром) из мангытского рода Эдиге (Идигея). Очередного бия избирали из тех же мурз Эдигеевичей, причем по «косвенной» систе-

ме — младший брат на престоле после старшего или племянник после дяди — и поднимали на белой кошме. Решал такие вопросы съезд ногайской аристократии, проводившийся ежегодно летом, 21 июня (см. [Продолжение древней 1791: 277]).

Юртовцы и кундровцы при Астрахани управлялись тоже мурзами — Урусовыми и Тинбаевыми (Тимбаевыми), а также потомками лучших воинов — батыров с титулом «ага́». Мурзы, перешедшие в православие, получали дворянство и княжеский титул, оставшиеся в исламе и среди юртовцев к 1835 г. были приравнены к государственным крестьянам и приписным казакáм.

Карагаши (из полевых бесед В.М. Викторина с самым старшим поколением еще в 70-х гг. XX в.) особо гордились жизнью своих предков «без мурз» и помнили по своим героическим преданиям, что те от них когда-то «в Дагестан ушли».

Боевой аристократией среди них считались батыры — потомки лучших воинов, а духовной — муллы, получившие религиозную подготовку. В отличие от горожан и земледельцев, кочевники и «полуномады» избирали себе священников сами. «Главный мулла» по имени Бег-Али у «кундурцев» (карагашей), кочевавших рядом с калмыками князя Тюменя Хошеутовского, был упомянут Я.Ю. Потоцким при описании им посещения этих местностей 13–22 августа 1797 г.

При переселении карагашей (тогда еще под калмыцкой властью) в Астраханскую губернию (1744–1745) они, согласно архивным данным, делились на 4 «куба» (ног. «коьп» — «множество», крупная родовая группа)³ [Небольсин 1852: 80–82]. Всей ордой карагашей управлял совет из 8 старейшин пропорционально от каждого «куба». Под властью астраханского губернатора и уездного начальства крепости Красный Яр число их возросло до 16 [ГААО. Ф. 394. Оп. 1. Ед. хр. 5130. Л. 424–424об.]. Мы можем лишь предполагать, каковы были основные функции этой общественной структуры.

Некоторый свет на институты власти у карагашей проливают документы 1835–1837 гг., найденные казанским историком и госслужащим, астраханцем С.Т. Рахимовым в архивах потомков видного мусульманского просветителя и священнослужителя в Астраханской губернии Абдрахмана

Исмаиловича Умерова (1866–1933), в итоге репрессированного (см.: [Габдрахман Гөмәри 2002: 351–360]).

Отдельные фрагменты в этих источниках — о первоначальном «союзе» между карагашами и казахами, особенно в вопросе о совместных пастбищах. «Союз» распался, когда полукочевников в 30-х гг. XIX в. подчинили волостному правлению и возложили на них земскую, подушную и рекрутскую (с правом выкупа) повинность — кочевники таких не несли вообще.

Пользуясь такой автономией (вплоть до налоговой), хан Букеевской Орды⁴, с момента переселения к Волге в 1801 г. правил сам, единолично, консультируясь лишь со своими советниками. Учитывая отчасти и кочевую коллегиальность для принятия важных решений. Уже в 1827 г. хан Джангир Букеев (просветитель, в дальнейшем — генерал русской службы) учредил при себе подобие восточного «Дивана», «ханский совет» из 12 старейшин, выбираемых самим ханом. Понадобилась еще должность «депутата», то есть посредника, переговорщика — для разбирательства споров с соседями.

В плане взаимодействия разных кочевавших групп, а также присоединения одних к другим, как развитие известного у калмыков в отношении к подчиненным и зависимым тюркам «припущенничества», интересна практика вынесения в таких случаях «приемного приговора». Такой приговор мог выносить сам хан. Так были приняты в Младший жуз в 1744–1745 гг. беглые так называемые «нугай-казаки» — ногайцы мирзы Адиль-хана Темирбулатова, из переведенных тогда с независимой еще Кубани под г. Оренбург, в казачью службу. По их примеру состоялась непростая адаптация уже во Внутренней Букеевской Орде так называемых «калпаков/каракалпаков» — казанских татар с границы Башкирии, беглых солдат из российской армии в период правления императора Николая I [Викторин 2005: 155–163]. Об этих событиях есть документальное подтверждение в фондах ГААО⁵. А временно изгонял их из казахской орды в 1827–42 гг. (отменяя тем самым «приемный приговор»!) и затем принимал желавших обратно уже Султанский диван — при новом правителе Шигае Нуралиеве, тоже генерале, брате Букея.

Очевидно, потомками еще более ранней, «допущенной», зависимой, но весьма престижной группы у казахов Букеевской Орды (долго не связанной родовыми и межродовыми обязательствами) были *тюленгиты* — полуслуги-полудружинники из охраны султана, хана. Нам удалось установить, что в астраханских степях они вели свое происхождение по отцовским линиям от пленных или беглых людей, сюда проникавших. Тюленгиты низовые, в Прикаспии, были из калмыков, верховые — за г. Богдо, из горцев — чеченцев, аварцев, адыгов.

После тюленгитов с середины XVIII в. те же охранные функции стали выполнять нугай-казаки, но, скорее всего, именно от них и отказались калпаки/каракалпаки, вызвав немилость хана. Похожие родовые группы (происхождение их предков еще надо выяснять) — *кетчинеры* — имелись в ряде улусов у калмыков как потомственные телохранители.

Зависимая от власти бия в Ногайской орде (некочевавшая, снабжавшая орду продуктами своего земледелия) и тоже этнически смешанная группа — *тумаки* — жила в середине XVI в. и сеяла просо по р. Бузану, на границе с Астраханским воеводством. А у перешедших от нападения калмыков в 30-х гг. XVII в. ногайцев «едисан/джетисан» возникла тоже оседлая и этнически смешанная группа «эмек/джемек» (от слова «корм, еда») — потомки, как мы выяснили, горцев (вайнахов, адыгов), калмыков или отдельных кубанских ногайцев, бежавших к «собратьям» под Астрахань, но обращенных здесь в зависимое состояние.

Термин же «тум/тумак» (этимологически «неродной, инородный, сын чужеземки» [Фасмер 1973: 119]) на юге России и в Астраханском крае, как и «тамыр», — «корень, корешок, новый родственник» — в низовьях Волги означал у казахов и других тюрок побратима, чаще всего русского. Показательно и местное, нижеволжское, в диалектах ногайцев и казахов прозвище для калмыков (с которыми турки нередко и жестоко воевали) — «нагаше», близкое калм. «нагц», то есть «дядюшка по материнской линии, близкая и уважаемая родня».

Под воздействием калмыков через низовья Волги в течение XVII–XVIII вв. на правый, «крымский» берег перебрались выходцы с Мангышлака — туркмены «кавказской»,

ныне ставропольской группы (в основном родовая группа чоудор/човдур) — и большие массы ногайцев. К концу XVIII в. образовалась чуть более поздняя «нижневолжская» ветвь туркмен мангышлакского происхождения (родовые группы *абдал* и *игдыр*). Тогда же, с конца 80-х гг. XVIII в., в Нижневолжье стали проникать казахи, а в 1801 г. они переселились сюда большой кочевой массой во главе с султаном Букеем и другими «прямыми» потомками Чингис-хана.

Подчеркнем, что именно на юге России складывалась особая управленческая сфера международных связей (перспективная, кстати, и поныне) — обозначим ее как «*дипломатию в общении с кочевыми народами*». Именно в этой сфере талантом и знатоком был инженер, политик и один из основоположников отечественной истории В.Н. Татищев, астраханский губернатор в 1741–1745 гг. (см. подробнее: [Идрисов 2006: 186–191]).

Этнополитика и специальная дипломатия, ориентированные на кочевников, сочетались с внутренней и внешней потестарностью в их собственной среде. В частности, выделим любопытный сюжет об эксплуататорской деятельности социогрупп, «высших» по генеалогическому статусу по отношению к «низшим». Своеобразие кочевых подданных России, как и «вертикаль неравноправия» родоплеменных групп в их составе, требовали регулирования со стороны официальных властей, хотя бытовое понимание «генеалогичности» продолжало действовать. Также интересен факт включения в состав казахов (отношения ассоциации с ними) и ногайцев-карагашей (ассимиляция) части казанских татар, получивших определение «каракалпаки», или «калпáки» и бежавших на Нижнюю Волгу.

Заметим, что и под властью царского правительства и его региональных, местных властей определенный период сохранялась внутренняя автономия кочевников. Действовали потестарные институты, такие как маслагаты — советы старейшин, институции обычного права в разрешении гражданских и средней тяжести уголовных дел. Региональной воеводской и губернской администрации в управлении приходилось опираться на представителей кочевой знати, таких как «табунные головы» («мурзы» и «ага-лáры») у юртовских ногайцев, калмыцкие ханы и казахские султаны,

а также выборные старшины у ногайцев-карагашей и туркмен (подробнее см.: [Викторин 2002: 152–189]).

Политическое преимущество российских властей на Нижней Волге привело к ликвидации в 1771 г. Калмыцкого ханства, имевшего особый статус в составе Российской империи. Формируется новая система управления, а также усиливается сендентаризационный процесс. В примыкающем к Каспийскому взморью Яндыко-Мочажном улусе получает распространение рыболовецкий труд.

Нижневожские туркмены — специфическая часть этноса, отчасти близкая к ставропольской, тоже мангышлакского происхождения (подробнее см. [Курбанов 1995]), были представлены двумя родовыми группами (абдал и игдыр) и двумя же большими селениями. На момент окончательного переселения их собственную власть и многоступенчатое вовлечение в государственно-политические процессы отразил в архивном документе 1794 г. участник всех этих процессов — старшина Сеит-Мамбет Кошмамбетов: «Предки наши выехали из Мангышлака в российское подданство, находились в команде калмыцкого Дундук-хана, отправляя государственную службу наряду с прочими кочующими в степи тухменцами, но по открытии Кавказского наместничества (1785 г. — *В.В., Э.И.*) стали подвластны обществу астраханских татар» [ГААО. Ф. 476. Оп. 1. Ед. хр. 335. Л.1]. По документам от 1837 г., обнаруженным в архиве Э.Ш. Идрисовым, уже через 40 с лишним лет некие местные «два туркмена» склоняли группу единоплеменников оставить Астраханскую губернию и откочевать опять на Мангышлак (хотя, похоже, не встретили поддержки). Но репрессии со стороны местных властей, узнавших об этом, последовали быстро [ГААО. Ф. 1. Оп. 7. Т. 2. Д. 2977. Л. 1, 2].

Недавно выяснилось [Плюцинский 2010], что после вхождения восточного, туркменского Прикаспия в состав России (70–80-е гг. XIX в.) и перехода астраханских выходцев к оседлости, последние, в отличие от своих ставропольских собратьев, образовали внешнюю «астраханскую волость» туркмен в составе уезда п-ова Мангышлак Закаспийской части Туркестанского края. Были они при этом наравне с кочевниками и свободны от налогов и призыва в армию, кроме как по желанию (см.: [Сахаров 1925]). В 1925 г. не сразу

согласились они вновь войти в Зацаревскую волость уже советской Астраханской губернии (впоследствии — Наримановский татаро-ногайский национальный район), а просились в состав Краснодарского района Полторацкого округа Туркменской ССР, и требовали освободить от воинской обязанности, вести обучение в школе на родном языке (вскоре им начали преподавать... татарский — *В.В., Э.И.*), даже вновь намеревались массово (1,5 тыс. чел.) переселиться в Туркмению. Однако в итоге их убедили остаться в Волжской дельте (см.: [Плюцинский 2010: 169–170]).

Вначале чисто внешним, но все более заметным становилось татарское влияние на всех ногайцев и туркмен Нижне-волжья. Этнокультурная специфика ногайцев все более уходила на второй план. Хотя она (даже у тех же юртовцев) и сейчас вполне реконструируется, но актуальна лишь для самого старшего поколения.

Особенно резко поменялась ситуация к началу XIX в. К этому времени обострился земельный вопрос по причине присоединения к Астраханской губернии Букеевской Орды казахов в 1801 г. В течение последующего периода проводилось перераспределение границ между кочевыми подданными, что вызывало конфликты и споры из-за пастбищных ресурсов. Так, в документах ГААО хранятся дела о размежевании территории между казахами и ногайцами-карагашами, карагашами и туркменами, а также калмыками. Трудности разрешения земельного вопроса среди номадов для местной губернской администрации были связаны с тем, что не всегда учитывалась специфика их образа жизни. И при наделении землей *маслагаты* и «приговоры» уже переставали действовать, а использовались нормы, применимые для стационарно живущих сообществ, что вызывало возмущение в среде номадов [ГААО. Ф. 1. Оп. 7. Т. 2. Д. 2180. Л. 27. и др.].

Рассмотрим фактическую сторону подробнее. В 1804 г. было издано специальное положение для урегулирования земельного вопроса. Но в силу увеличившегося контингента кочевых подданных земельные проблемы, связанные с разделом территории кочевков, были отрегулированы заново положением от 19 мая 1806 г. «О землях кочевых народов Астраханской губернии». Однако при реализации этого положения

возникли споры и несогласования. Так, один из конфликтов среди астраханских кочевников был связан с нежеланием изменять устоявшиеся пути кочевания после реформы 1806 г. В деле «О возвращении кундровских татар с земли хана Букея» (весна–лето 1812 г.) казахский хан Букей просил местные власти убрать с земли, отведенной для кочевий его подданных, группу кочующих на ней ногайцев-карагашей. В ответ старшины карагашей доказывали свою правоту тем, что они кочевали в этом направлении уже много лет. При этом они старались отложить свою откочевку с земель Букей-хана, ибо «к возвращению ныне принадлежащей нам земли никаких мер и способов принять невозможно, потому что в Кочетаевском (Хожетаевском. — *В.В., Э.И.*) селении у жителей состоит скота конного, рогатого, бараньего, козье-го, верблюдов пятьсот сорок восемь тысяч... Для оною безмерная жара и мучительность от насекомых да от Рын-Песков, дачи наши состоят не в близком расстоянии... исполнение сего повеления к кочеванию обратно можно как чрез один месяц, посему просим» [ГААО. Ф. 1. Оп. 3. Т. 2. Д. 450. Л. 1, 9, 10].

Довольно часто кочевники нарушали не только отмежеванные границы кочевий, но и региональное административно-территориальное деление. Так, саратовский губернатор в июне 1823 г. жаловался астраханским властям: «Дабы Ордынцы не перекочевывали на земли Елтонского соленого промысла (известное оз. Эльтон. — *В.В. и Э.И.*) ...он сам лично объявлял кундровским татарам о немедленной откочевке их на свои земли в Астраханскую губернию» [ГААО. Ф. 1. Оп. 7. Т. 1. Д. 291. Л. 1]. И просит, если «не будет принято самых строгих мер к отзыву их», то он, если «и за сим кундровские татары осмелятся выйти из границ своих, то виновных тотчас предать строгому суду по законам» [ГААО. Ф. 1. Оп. 7. Т. 1. Д. 291. Л. 1]. Но несмотря на неоднократные предупреждения и взятые подписки как казахи, так и ногайцы-карагаши все равно продолжали нарушать административные указания [ГААО. Ф.1. Оп. 7. Т. 1. Д. 291. Л. 10].

Документы отражают и конфликты с соседними оседлыми народами. Поводом являются ресурсы обеспечения скотоводческого хозяйства. Так, в деле «О происшестввиях среди жителей Красноярского уезда киргиз-хана Букея» сказано,

что в марте 1814 г. казахи хана Букея потравили сено, принадлежавшее крестьянам, живущим по берегам, а те в ответ стали захватывать их скот. На что «киригизцы начинают уже выходить почти у него из повиновения, ибо скот их, от бескормицы весьма изнурившись, дохнет множеством» [ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 538. Л. 1]. В развитии этого конфликта часть казахских кочевников стала «увозить с тоней выбранную рыбу воровати, побуждаясь жадностью» [Там же: 13].

Существенна и значима также отмеченная этнопсихологами «непосредственность восприятия и действия» у народов, стоящих на ранних социоэкономических этапах, что находит подтверждение в характеристиках психологии кочевников представителями местных властей. Здесь уместно вспомнить рассуждения Ф. Энгельса о кочевниках как «неприятных соседах», с трудом предсказуемых, то есть «стихийных и непостоянных», притом «ежеминутно меняющих» свое настроение и стиль действий, отдельно — об их «любви к личной независимости» и, конечно, «неукротимой ненависти» к государству и его властным — распорядительным и фискальным — институциям [Маркс, Энгельс 1961: 78]. В архивных документах обнаружены прямые соответствия данным тезисам в практике государственного и губернского управления кочевыми степями в Нижневолжье. Ибо местным, астраханским, властям, их представителям в уездах и волостях, специальным уполномоченным не раз и не два приходилось (по их собственным досадливым замечаниям) иметь дело с трудным («склочным») характером кочевников либо с взрывным («необузданным») поведением, а также с непостоянством их действий [ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 538. Л. 13; Ф. 1. Оп. 7. Т. 1. Д. 291. Л. 1 и др.].

Действительно, зачастую к конфликтам — бытовым или более рельефным — вели особенности менталитета кочевников, их представления о политических отношениях сталкивались с представлениями о власти и политике, сформированными в условиях земледельческой цивилизации. И не всегда представители кочевых народов сразу отвечали на просьбы властей, как, например, в деле о доставлении сведений по переселению туркмен на Кавказ, когда пристав калмыцкого и туркменского народов неоднократно (по указанию лично генерал-губернатора и наместника Кавказа

А.П. Ермолова) просил дать информацию о количестве и разновидностях зависимых людей (бывших пленных или «прибывшихся»), подчиненных туркменам. Но в ответ он не получал необходимых данных, кроме составленного от лица самих туркмен небольшого информационного письма, поэтому ему пришлось применять силовые действия [ГААО. Ф. 1. Оп. 6. Т. 2. Д. 2085. Л. 1, 6, 7, 33].

Обычными в условиях Нижневолжья было «косвенное управление» общинами кочевников и полукочевников, наличие у них «своего начальства» с посредническими функциями и двойной ответственностью. В качестве факторов несогласия и протеста с официальной политикой можно назвать следующие: бегство от официальных властей, появление «идеи границ» и требование размежеваний, отсюда — начатки не только земледелия, но и землевладения.

Позитивным моментом в управлении региональных астраханских властей кочевниками было то, что они всегда старались предотвратить заведомо конфликтные ситуации. Государственное влияние на внутренние структуры жизни кочевников и полукочевников отмечается в интересных сюжетах о стремлении поверстать выходцев из кочевых этносов в казачество и привлечь их таким образом на постоянную официальную службу.

В массовом порядке это коснулось калмыков, затем — в 1810–1840 гг. — юртовской аристократии (прямых потомков бийских и остаточных ханских фамилий, сохранивших ислам, но утративших дворянство). Далее в документах ГААО середины XIX в. описан факт попытки включения в состав Астраханского казачьего войска всего общества ногайцев-карагашей Красноярского уезда. Обоснование такого проекта было связано с недостающим количеством служилых казаков и необходимостью укрепления защиты западных границ Астраханской губернии со стороны Северного Кавказа.

Преимущества включения в казачество ногайцев-карагашей (в отличие от государственных крестьян Красноярского уезда) связывались с тем, что ногайцы-карагаши как скотоводческий народ имеют лучшие навыки владения верховой ездой («к верховой езде привычны») в сравнении с крестьянами. Кроме того, отмечалось, что «устранение же через по-

ступление в казачье войско почти ежегодно платежа денег вместо поставки рекрута натурою представляет для каждого из них весьма значительную выгоду [ГААО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 101. Л. 3]. Правда, проект включения ногайцев-карагашей в состав Астраханского войска не был реализован в полном объеме. Не состоялся он в связи с возникшими затруднениями по поводу земельных споров, отсутствия единства мнений и волокитой чиновников (см. архивный документ [ГААО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 101], а также [Бирюков 1911: 1–9]).

Но сама эта показательная попытка была рассмотрена в архивном документе за 1858–1859 гг. Суть дела заключалась в том, что для усиления казачьего войска, а также с целью высвобождения времени казаков для занятия хозяйственной деятельностью возник проект включения в состав войска новых групп [ГААО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 101. Л. 1].

Для предотвращения конфликтных ситуаций в среде карагашей, а также между «старыми» и «принимаемыми» казаками было решено собрать сначала отзывы, подтверждающие желание вступить в казачье войско. Но из-за «расколёвки ... по разным местам» ногайцев-карагашей дело затянулось, и Департамент государственных имуществ не принял положительного решения [Там же: 6]. У представителей верхушки астраханского казачества для обоснования необходимости реализации этого проекта возникли и другие планы. Так, при включении земель карагашей в общинный фонд Астраханского казачьего войска возникло предложение о переселении их на р. Куму для несения кордонной службы — то есть о перераспределении в пользу потомственных казаков их земель [Там же: 15]. Очевидно становилось многообразие политических и хозяйственных интересов в столице, войсковом правлении и непосредственно на местах.

В своем ответном письме управляющий Астраханской губернией Б.В. Струве напомнил, что карагаши, «изъявив согласие быть причисленными к Астраханскому казачьему войску с тем условием, что бы за обществом их были оставлены все земли, состоящие в пользовании их» [Там же: 19]. Поэтому как местные, так и центральные власти настоятельно требовали, прежде чем принимать решение, собрать приговоры о согласии со всего общества [Там же: 20]. Вопрос «протянулся» и в 60-е гг. XIX в. был молчаливо отставлен.

Приведем другой пример, когда, наоборот, не хватало компетенции в вопросах управления кочевыми народами. Так, в 1826 г. было рекомендовано, по примеру юртовцев, наделить землей карагашей — каждой семье по 15 десятин [ГААО. Ф. 1. Оп. 7. Т. 2. Д. 2180]. Конечно же, это было заведомо мало кочевому хозяйству, «для которого потребна земля удобная и в значительном количестве» [ГААО. Ф. 1. Оп. 7. Т. 2. Д. 2180. Л. 27], и непосредственно связанные с кочевниками региональные власти дали знать об этом тому, кто пытался провести это решение в жизнь. А предпосылки перехода к оседлости еще не созрели.

Со стороны представителей кочевых народов иногда были видны настроения «непривязки к земле и неприятия властей» (вспомним откочевку калмыков в 1771 г.). В частности, наиболее яркими (вплоть до документального оформления) были попытки покинуть пределы Астраханской губернии по причине конфликта с местными властями или их неустроенности. Так, еще в конце XVIII в. при поселении ногайцев-карагашей в Красноярском уезде у них возникло недопонимание с поверенным в их делах, чиновником царской администрации капитаном-муллою Абдуллою Жангуршиным (насколько известно, из почти зачахшей ветви потомков хана Ямгурчя). Этот конфликт рассмотрен в деле 1777 г. «О побеге кундровских татар из России». Причиной стало недовольство сбором податей и обвинение со стороны карагашского общества Абдуллы Жангуршина в вымогательстве, а также общая неустроенность их жизни. Направление побега было выбрано в сторону казахской степи [ГААО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 4372. Л. 1]. Но было пресечено по доносу того же капитана-муллы из поверстанных в казачество местных чингизидов. Как уже отмечалось, по другому делу от 1837 г. два туркмена склоняли своих соплеменников к откочевке обратно из Астраханской губернии на Мангышлак. Они сразу были осуждены местными властями [ГААО. Ф. 1. Оп. 7. Т. 2. Ед. хр. 2977. Л. 1, 2].

Можно заметить, что политически оформленная государственная власть в полиэтничном обществе старалась выступать как объединяющее начало, формировать правовые основы для вхождения и проживания народов в России, регулировать их внутреннюю общественную жизнь, условия

хозяйствования. Этот процесс в истории России не всегда носил бесконфликтный характер, только путем накопления определенного опыта удавалось приспособиться к специфическим этническим общностям.

Иногда эти меры реализовывались, иногда ложились на уже подготовленную историей и взаимными связями почву. Этнокультурные контакты оседлых народов с номадами и между самими кочевавшими этносами проявились в социальном устройстве, бытовой и праздничной культуре, а также в фольклоре и словарном фонде местных тюркских и славянских диалектов, в побратимных и брачных связях.

Интересно, что между народами прошлого кочевого образа жизни и теми, кто продолжал кочевать, постепенно складывались заметные и несложно фиксируемые отличия в традициях этнических культур. Например, юртовские ногайцы, которые раньше всех осели на землю, стали приверженцами городской культуры. В их среде укрепляется исламская религия, они довольно быстро перенимают одежду городского покроя. Традиционная ногайская культура уходит на второй план.

Заметным становится татарское влияние. Ногайцы-карагаши, ведшие полукочевой образ жизни до конца 20-х гг. XX в., лучше сохраняли традиционные элементы из прошлой жизни. В Астраханском государственном историко-архивном музее-заповеднике имеется богатая коллекция украшений, одежды и утвари ногайцев-карагашей, свидетельствующая об их бытовом своеобразии.

Этнокультурное взаимодействие оседлых народов и осевших полукочевников и кочевников было разнонаправленным. В среду русских и средневожских татар от кочевников перенимаются местные навыки ведения скотоводческого хозяйства, традиция потребления калмыцкого чая, элементы одежды кочевых народов, например, «бельбеу» — ногайский пояс у астраханских казаков и др. [Казаков 1997: 142]. От земледельческих народов полукочевники и кочевники заимствуют навыки деревянного домостроительства, как это было при строительстве оседло-зимних поселений ногайцев-карагашей Сеитовки и Ходжетаевки. В быт бывших номадов проникают предметы стационарного образа жизни, такие как стол на высоких ножках, стулья, кровати и т. д., но

осмысливались они и использовались по-своему, нередко в рамках прежних моделей и стереотипов.

В связи с политикой «обоседления» в Астраханской губернии возникали и иные необычные случаи. Так, при выделении земель для пользования обществу ногайцев-карагашей в Красноярском уезде по приказу Екатерины II в 1788 г. были построены деревянные дома для жительства. Но при возникновении некоего «союза» карагашей с вновь прибывшими казахами-букеевцами после 1801 г. ... уже карагаши особой бригадой строили в Ханской ставке (ныне пос. Бокейурда) стационарные дома для казахской верхушки букеевцев. А их могилы на здешнем кладбище весьма почитаются (как указали нам местные краеведы братья Курумбаевы).

Также на праздничные традиции переселившихся букеевских казахов (их календарную хронологию) со стороны юртовских ногайцев повлиял «гостевой» цикл взаимопосещений в дни весеннего равноденствия, отдаленно соответствующий земледельческому Новрузу/Наурузу. У юртовцев он именовался «амиль» (соответствует месяцу марту), а у казахов-букеевцев — «корсо ай(т)», оба отмечались в срок с 1 по 10 марта по ст. ст., то есть с 14 по 23 марта н. ст.

Заслуживает внимания и местная исламская специфика времен Золотой Орды и ханства в Хаджи-Тархане, почитаемых святых мест «ауля, эвлие», ставшая популярной сначала среди ногайцев-карагашей, а затем и у букеевских казахов (так оформлена и могила самого султана хана Букея при ногайском с. Малый Арал в приграничном Красноярском районе). У всех групп тюрок, прежних кочевников, в засушливом Нижневолжье получил распространение полуйсламский-полушаманистский летний групповой обряд принесения жертвы для вызывания дождя — «кудай (д)жол», то есть иран.-тюрк. «божий путь».

Русскому населению Астраханского края (в первую очередь, рыболовецкому) известен образ «зверя-лобастого» (иногда — «лопасты-девки») (см., например: [Лосев, Кирокосян 2007: 118, 120], имеющего связь в истоках и толковании со сверхъестественным существом *албасты* (этимологически «задавил, придушил»), распространенного в мифологических представлениях ногайцев и казахов.

Типологически внутренняя отличительная характеристика номадов Астраханского края была связана со *стадиями кочевания*. Дольше всех продолжали кочевать калмыки и казахи. Полуоседлость была характерна для ногайцев-карагашей, за исключением так называемой каралатской группы, ведшей круглогодичный кочевой образ жизни на взморье, утар-алабугатцев, туркмен.

По-разному складывались взаимоотношения внутри кочевых обществ. Занимая одну социально-экономическую нишу, они могли соперничать друг с другом по поводу ресурсов своего хозяйства. Но в целом мы наблюдаем примеры этнокультурных контактов и взаимовлияния.

Процессы седентаризации особенно усилились в период ускоренной модернизации социально-экономической сферы всей Российской империи, когда произошло увеличение социокультурной дистанции между земледельческой и кочевой цивилизациями. Определение социального статуса теперь стало зависеть от образа жизни. Оседлость давала возможность занять более высокую социальную позицию по сравнению с теми, кто продолжал вести кочевой образ жизни [Каппелер 2002: 101].

Основные черты рассматриваемого в принятой нами хронологии процесса — это переход к полуоседлости и оседлости, а также серьезная модификация (тоже, однако, в традиционном, как показано ниже, варианте) внутреннего устройства. Этому способствовали социально-экономические причины необходимости обеспечения местного рынка овощной и бахчевой продукцией.

Сохранение кочевого и полукочевого образа жизни кочевников до определенного момента не было препятствием для их социализации в Российском государстве. Но с XVIII в. в условиях всеобщей модернизации имперской государственной системы генеральной линией в отношении кочевых и полукочевых сообществ становится политика обоседления на землю, перехода к земледелию. Интересно, что свое значение в этом направлении хозяйства продолжали играть элементы кочевой культуры. А это значит, что входило в практику потестарно-правовой жизнедеятельности распорядение не только кочевыми маршрутами и пастбищными угодьями, но и четкая и «обозначенная» собственность на

участки земли. К примеру, развитие земледельческого труда, правда, с сохранением полукочевого образа жизни, произошло и в среде ногайцев-карагашей и туркмен, у которых отмежевание земли производилось расстоянием между колесами арбы «козлак-джер», а для разметки границ земельных участков применялись тамги и т.д. (см.: [Идрисов 2005б: 148–155]).

Мы можем фиксировать поэтапный переход от кочевого скотоводства к полуоседлости и оседлости. Редким и уникальным является отмеченный ранее возврат в кочевничество или полукочевание. Известен случай перехода к кочевому образу жизни части жителей Бухарского торгового двора, образовавших род «сарт» (не очень, кстати, престижный. — *В.В., Э.И.*) в составе утар-алабугатских ногайцев [Идрисов 1998: 22].

В ранний советский период возник вопрос о настоящем «обоседлении» народов, продолжавших вести кочевой образ жизни. Задачам социалистического строительства препятствовала отдаленность сезонных поселений полукочевников и кочевников, а также неконтролируемая подвижность в весенне-летний период (см., например: [ГАСДАО. Ф. 36. Д. 29. Оп. 1. Л. 10]).

Необходимость колхозного строительства привела к оседанию на землю номадов административным путем. Определяемая советской властью направленность хозяйственной деятельности на территории Нижнего Поволжья была связана с развитием рыболовства. В массовом порядке казахи из степных районов Внутренней Букеевской Орды переводились в дельту Волги. В 1929 г. при пожаре, возникшем при санитарной обработке юрт, совершился, по рассказам современников и очевидцев, переход/перевод на оседлость полукочевников-карагашей, ставших рыбаками. Тот же самый год (видимо, по примеру первых) называли и респонденты из кунедровцев и утаров-алабугатцев. Таким образом, путь к абсолютной и быстрой седентаризации оставшихся полных кочевников (казахов и калмыков) — с 1935 по 1940–1941 гг. — был полностью открыт.

Старый образ жизни ушел в прошлое, хотя иногда и составлял предмет ностальгии у более младших поколений, не вкусивших «жизни в юртах». Но наследие такового — зри-

мые, отчетливые или воспроизводимые бессознательными клише традиций — остается, реконструируется исследовательским путем. То есть так или иначе оказывает воздействие на современную жизнь потомков кочевников.

В современности наследие прошлой кочевой культуры проявляется в социокультурной практике народов с кочевым прошлым. До 70-х годов XX в. в некоторых селах Астраханской области имело место применение юрт как летних жилищ или помещений как склада для хозяйственных принадлежностей.

Этикетные нормы гостеприимства и свадебной обрядности с прошлой кочевой спецификой еще долго проявлялись у ногайцев, калмыков, туркмен, казахов и калмыков. Отметим и свадебную повозку (ног. «куйме, койме», туркм. «кеджебе») — символ женской независимости, как и часть приданого. Практически в первозданной основе, особенно в празднично-поминальном застолье, сохранилась традиционная кухня кочевников, связанная с преобладанием мясо-молочного рациона. Тяготение к элементам кочевой культуры проявляется и в интересе молодежи (казахов, калмыков и ногайцев) к прошлой родовой принадлежности своих предков.

Итоги нашего совместного исследования состоят в следующем:

1. Переселение кочевников в низовья Волги и Прикаспий (в состав Российского государства) в целом было прогрессивным актом межэтнического общения и поступательного развития.

2. В Астраханском крае прослеживается несколько моделей управления—самоуправления кочевыми, полукочевыми и прежде кочевыми народами. Для руководства группами (улусами, «табунами») юртовцев, калмыков, казахов использовалась власть прежних генеалогических элит, а ногайцами-карагашами, туркменами и в итоге юртовцами — институт назначаемого старшинства.

3. Номады Нижневолжья отличались тем, что постоянно и неизбежно вступали в активные внешние контакты — и в кочевом, и в оседло-земледельческом мире. Возникали совсем новые реалии — такие, как рост образованности (пример просветителя А.И. Умерова).

4. Сословная структура кочевников и полукочевников трансформировалась, приближаясь к классовой. Одним из предложенных им способов адаптации была возможность казачьей службы как для прежней аристократии, так и в отдельных случаях для простых людей. Это коснулось значительной части калмыков, знатной верхушки юртовцев, предпринималась попытка и в отношении ногайцев-карагашей. Так в рассматриваемый период переплетались и взаимодействовали политика и потестарность, юридическое и обычное право.

5. Существен пример неполноправных, зависимых групп — им официальные власти стремились обеспечить полноправный статус. Любопытен переход оседлых горожан, торговцев, в полукочевники, но и там их статус, разумеется, был невысок.

6. Седентаризация, то есть переход к полуоседлости (стационарные жилища: русские плотники — ногайцам-карагахам, бригада ногайцев-карагашей — букеевскому хану; кочевание с марта по ноябрь) — первый крупный шаг к модернизации прежнего жизненного уклада и обретению нового. При этом менялись даже ключевые особенности и характеристики кочевого быта и ментальности. В частности, идеи *распоряжения*, затем *владения* землей и, наконец, *собственности* на ее участки все более внедрялись в сознание представителей номадных сообществ.

7. При советской власти возобладали тенденции полной оседлости. Но прежние традиции — *прямо или же косвенно* — сохранились. Оказывают они свое воздействие и в настоящее время, и, по-видимому, будут фиксироваться и в обозримой перспективе.

¹ Весьма емкое социорегулятивное понятие (концепт) *жаргы/яргы* происходит от тюрко-монг. *йаргу*, перешедшего в перс. и афг. как *жарга/джарга*, пушт. *джирга*, в общем комплексном значении «собрание, сбор, совет, суд, отряд, военный строй».

² Как, очевидно, и гнездо правовых терминов «яса — ясак — ясыр — яса(в)ул — есаул».

³ Удалось установить названия всех четырёх: *найман*, *ас*, *тюбет-пес* (они же *джангинайман*) и *мангыт* (ср.: [Небольсин 1852: 80–82]).

⁴ Султан Букей Нуралиев (правил в новой орде 1801–1815, хан с 1812 по 1824 г.). Похоронен при с. Малый Арал Красноярского р-на

Астраханской обл. вместе со своим старшим другом, ногайским чудотворцем Сеит-баба́ Ходжатайлы. Его сын, генерал и просветитель Джангир/Жангир Букеев тоже стал широко известен (управлял казахами-букеевцами с титулом «хан» в 1824–1845 гг.).

⁵ Ср. ценные и подробные документы «Переписка с Астраханским губернским правлением, с Астраханским и Черноярским земскими судами, Саратовским губернатором и другими учреждениями об отводе земель в Саратовской губернии для каракалпаковских киргизов» [ГААО. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 238. Л. 1–49]. Найдены в фондах в 1987 г.

Бирюков И.А. 1911. История Астраханского казачьего войска / Сост. атаман И.А. Бирюков. Ч. II. Саратов.

Бреус И.С. 2003. Прошлое и настоящее обычного права: к вопросу о содержании термина // Олень всегда прав. Исследования по юридической антропологии: материалы III Летней школы, СПб. –Пушкино, 19–24 августа 2003 г. М. С. 21–52.

Викторин В.М. 1985. Социальная организация и обычное право ногайцев Нижнего Поволжья (XVIII — начало XX в.) / Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.

Викторин В.М. 2002. Российское государство и кочевые народы // История России. Россия и Восток. СПб.

Викторин В.М. 2005. Татары–«каракалпаки» (казанские и мишарские) в Нижнем Поволжье: парадоксы межэтнических связей тюркских народов в XIX–XXI вв. // Историческая и современная регионалистика Верхнего Дона и Нижнего Поволжья: сб. ст. по материалам науч. конф. «Историческое и этнокультурное развитие Нижнего Поволжья» (Волгоград, 10 сентября 2004 г.). Волгоград. С. 155–163.

Габдрахман Гэмари. 2002. Фэнни-биографик жыентык: науч.-биогр. сб. («Шэхеслэребез» сериясе — «Наши биографии»). Казань. Б. 351–360.

Гмелин С.Г. 1771. Путешествие по России для исследования трех царств природы. СПб. Т. II.

Идрисов Э.Ш. 1998. К истории Бухарского торгового двора в Астраханском крае // Тезисы межвуз. науч. конф. студентов и молодых ученых (К 25-летию историч. ф-та АГПУ). Астрахань.

Идрисов Э.Ш. 2005а. Потестарно-политические процессы в традиционалистской этноспецифической среде: на примере Нижнего Поволжья / Автореф. дис. ... канд. полит. наук. Волгоград.

Идрисов Э.Ш. 2005б. Хозяйственная деятельность ногайцев Нижнего Поволжья в XVII–XIX вв. // Историческая и современная регионалистика Верхнего Дона и Нижнего Поволжья: сб. ст. по материалам науч. конф. «Историческое и этнокультурное развитие Нижнего Поволжья» (Волгоград, 10 сентября 2004 г.). Волгоград.

Идрисов Э.Ш. 2006. К специфике управления кочевыми народами в Астраханском крае // Тагищев Н.В. и проблемы государственно-административного управления в России: междунар. науч. конф., 5–7 октября 2006. Астрахань.

Казаков П.В. 1997. Влияние этнической и природно-географической среды на хозяйственно-бытовые особенности астраханских казаков // Экологические проблемы и их междисциплинарное исследование. Мат-лы обл. науч. конф. студентов и молодых ученых. 29 мая 1997 г. Астрахань.

Каппелер А. 2002. Россия – многонациональная империя: возникновение, история, распад. М.

Курбанов А.В. 1995. Ставропольские туркмены. Историко-этнографические очерки. СПб.

Лосев Г.А., Кирокосьян М.А. 2007. Астраханские словечки. Популярный словарь. Астрахань.

Маркс К., Энгельс Ф. 1961. Соч. 2-е изд. М. Т. 19.

Небольсин П.И. 1852. Очерки Волжского низовья. СПб.

Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, приуроченная к 28 января 1897 г. / Под ред. Н.А. Тройницкого. Тетрадь № 2: Астраханская губерния. СПб. 1904.

Плюцинский С.С. 2010. Национально-государственные отношения на территории Нижнего Поволжья. 1917–1929 гг. / Дис. ... канд. ист. наук. Волгоград.

Потоцкий Я.Ю. (И.О.). 1936. Путешествие... в Астрахань и окрестные страны в 1797 г. // Исторические путешествия. Извлечения из мемуаров и записок иностранных и русских путешественников по Волге в XV–XVIII вв. / Сост. В.Н. Алексеев. Сталинград. С. 195–217.

Продолжение древней российской вивлиофики. 1791. СПб. Т. VII.

Сахаров П. 1925. Заключение об астраханских туркменах. От 22 сентября 1925 г. // ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 120. Д. 2. Л. 429–429 об.

Фасмер М.Р. 1973. Этимологический словарь русского языка. М. Т. IV.